

0

Когда-то я обещала подруге Овсянке, что, если мне когда-нибудь будет угрожать опасность, я обязательно напишу об этом в своем дневнике. Смешно. Сейчас мне угрожает опасность, но никакого смысла в том, чтобы писать имена тех, кто мне угрожает, здесь нет, потому что вряд ли этот дневник когда-нибудь будет издан. Я отделию его от остальных своих бумаг и передам Кентавру вместе с некоторыми другими вещами. Весь этот процесс описан в моем завещании — юрист уверяет, что его будет невозможно оспорить. Довольно грустно, что в таком возрасте мне уже пришлось составить завещание и проконсультироваться с юристом. Но все к лучшему — и мне все равно приятно, что Кентавр и Овсянка вернулись в Париж, и в эти дни, мои последние, мы можем быть вместе.

Мы снова живем втроем так же, как и раньше. Над квартирой витает дух М., но Кентавр и Овсянка не пускают его в квартиру. Я чувствую, как сгущаются тучи, и не могу ничего с этим поделать.

Я не знаю, как именно я умру. Вернее, не знаю, как именно меня убьют. Я вижу нож для писем, который иногда крутит в руке Овсянка. Я замечаю, как смотрит в мою сторону Кентавр. Я знаю, что М. примеряется к моей груди, когда я сплю. Я умру, но я не знаю, откуда явится смерть. Что напишут на моей могиле?

Эмилия Е. Q.

1930—1966

Умерла. Жаль.

Из «Е. Q. 0. VIII», 2020, стр. 103.

1

Я подняла взгляд от книги, и оказалось, что напротив меня сидел парень болезненно гетеросексуальной наружности. На нем были плотные черные штаны, футболка с застиранной надписью «СЕВЕР» и куртка-ветровка. Между раздвинутых коленей он поставил черную сумку, в которой что-то неприятно звякнуло. Я постаралась отвернуться к окну плавно, чтобы он не ощутил никакой демонстративности в этом жесте. Мне просто не хотелось на него смотреть.

Перрон за окном все никак не хотел прийти в движение — мимо поезда шли люди с чемоданами, пронесся маленький мальчик с бумажным флажком в руке. Я поправила наушники и снова услышала голос Мари. Мне давно надо было купить новые наушники, но я все время об этом забывала, поэтому теперь приходилось постоянно поправлять провод, иначе звук пропадал.

«Face — это музыкальное будущее, — говорила Мари у меня в ухе. — Пусси со гуд — это фем. слоган, который в песне про суицид выступает рефреном. Face говорит, что хочет умереть, ждет смерти, но единственное, что удерживает его в этом

мире, — это любовь к женщине. Да, она выступает в роли сексуального объекта, такого эротического Иисуса, который пришел, чтобы тебя спасти и трахнуть. Но Face очень точно отражает то, как в этом спасении участвует традиционная система мужского доминирования. Он говорит о том, как „она“ не может достаться никому, кроме него, включая в диалог других мужчин, точно так же, как христианство опирается на ереси и „неверных“ для того, чтобы утвердиться в собственном превосходстве. Он понимает, что без других мужчин не сможет установить отношения с женщиной и сдохнет. И наоборот, он понимает, что без женщины не сможет установить отношения с мужчинами, потому что тогда они не будут считать его за своего».

А ведь она собиралась рассказать мне о том, как украсила гостевую комнату к моему приезду... Но это, вообще, стандартная ситуация — Мари бывает трудно удержаться от монолога, а я не возражаю, потому что никто, кроме нее, не станет объяснять мне всю глубину феминистского посыла в творчестве Фэйса. Моя подруга Таня — единственная другая женщина, с которой я обсуждаю феминизм, — вообще не слушает русскую музыку.

Мари замолчала, и я посмотрела на экран телефона. Телеграм опять глючил и отказывался проигрывать следующее аудиосообщение. Я нажала на фиолетовый треугольник, и Мари снова ожила:

«„Это Face, это Face, это Face, я;
Это Face, это Face, это Face, я;»

Я кончал ей на face, прям на face, да!

Это Face, это Face, это Face, я!“

Он ведь поет о том, что женщина здесь выступает лишь зеркалом для него самого. „Face“ не значит „Лицо“, „Face“ значит „Я“, „Себя“. Он поет „Я кончал ей на себя“. То есть не на „нее“, а при помощи „нее“. Это довольно тонко. То есть Face, конечно, не профеминист, в том смысле, что права женщин его не волнуют. Но он профеминист в том смысле, что честно и точно передает суть гетеросексуальных отношений».

Я покивала, соглашаясь с ней. Русский рэп и вправду вызывает у меня ровно то же отвращение, что и патриархальные отношения — в этом Мари была права. Мари снова замолчала, и я включила экран телефона. Оказалось, что сообщения закончились.

Иногда мне казалось, что она специально записывает мне демоверсии своих мыслей, чтобы я продолжала поддерживать с ней диалог. Вот сейчас мне очень хотелось спросить ее о сути гетеросексуальных отношений, потому что мне всегда нравились ее развернутые метафоры. Я потянулась, в который раз удивленно думая о том, что впервые выезжаю из России одна. Надо было написать маме и тете, но я медлила, потому что медлил поезд. К тому же мама могла мне отзвониться, а разговор с ней сейчас совершенно испортил бы ощущение взрослой жизни. Я зевнула, стараясь прикрыть лицо рукавом, чтобы не привлекать к себе внимания, и снова посмотрела на телефон.

Сначала я собиралась записать Мари ответ голосом, но, глянув на парня на сиденье напротив, передумала.

Он был в наушниках, но я не знала, играет ли в них что-то или нет.

«М., — набрала я. — А расскажи, в чем суть гетеросексуальных отношений?»

Вообще-то мне полагалось сейчас не переписываться с Мари, а читать подаренную тетей «Жизнь после самоубийства». Вроде как она могла дать мне хорошее представление о Еве Лисетской, с которой я должна была встретиться в Санкт-Петербурге. Но у меня болела голова, перрон за окном все никак не хотел трогаться, и думать о книге не хотелось совершенно. Вместо этого я пригнулась, потрогала ладонью чемодан под сиденьем. Я очень гордилась тем, как компактно мне удалось запаковать вещи. Всего один чемодан — это очень мало, учитывая, что из Москвы я уезжала почти на две недели.

Я ношу довольно плотные ткани, к тому же с моим ростом любые штаны и кофты занимают примерно в два раза больше места, чем те же вещи моих подруг. И тем не менее я уложилась в один чемодан вполне нормального размера. У меня еще был школьный рюкзак с книгами, но с ним я собиралась расстаться в Питере и в Хельсинки ехать уже с одним чемоданом.

Мари прислала мне аудиосообщение, и я поправила наушник, чтобы его прослушать. Парень на сиденьях напротив поднес телефон к губам и что-то наговаривал, устало глядя по сторонам. Губы у него были сальные, и я снова отвернулась к окну.

«Муся, — Мари заговорила с моей любимой интонацией. Я сразу представила, как будто она обнимает меня, и мы вместе разглядываем дивный гетеросексуальный мир, раскинувшийся далеко у нас под ногами. —

Я сейчас кратко-кратко скажу. Суть гетеросексуальных отношений в том, что есть женщины и есть такие подлые палочки в зеленой форме, которые научились притворяться растениями. Им это удастся по двум причинам: во-первых, они не так уж далеко ушли от растений по развитию, а во-вторых, потому что они законодательно запретили женщинам называть себя „палочниками“. И обязали каждую женщину держать дома по кадке с палочником-растением. И каждый вечер этим женщинам приходится насаживаться влагилицем на это растение. Улавливаешь? А это достаточно больно, потому что чаще всего палочки притворяются кактусами, потому что на большее у них просто не хватает воображения».

Я хихикнула и тут же снова бросила взгляд на парня напротив. Он уже перестал говорить и теперь с еще более уставшим лицом что-то слушал, откинув голову назад и вытянув руки по швам. В этой позе он достаточно напоминал палочника, чтобы я снова отвернулась, только чтобы не рассмеяться.

«Спасибо, — написала я Мари. — Теперь мне все-все понятно».

«! Муся, — то, что Мари отвечала текстом, означало, что она пришла домой и сидит за столом с родителями. — Поезд???»

«Поезд!» — ответила я. Перрон наконец тронулся и поплыл. Из-за рябющей серой плитки голова тут же заболела сильнее, и я поскорее закрыла глаза. Надо было написать маме и тете и можно было попробовать подремать.

Закончив с административной частью моего отъезда из Москвы, я, подумав, написала Тане. Из-за поездки на север я пропускала ее выпускной.

«Удачи! — Таня ответила сразу. — Обязательно потом увидимся».

«Обязательно, — написала я. — Можно будет вас с Аной куда-нибудь сводить?»

Последнее сообщение я перечитала с особенной гордостью. С Таниной девушкой я не общалась, но очень хотела познакомиться поближе. Они обе были на класс старше меня, но если Таня казалась мне старшей близкой подругой, то Ану я воспринимала как человека из какого-то совершенно другого мира.

«Не знаю, — написала Таня. — Я спрошу, но она уедет в конце июня на пару недель. Ты когда возвращаешься?»

«В конце месяца, — написала я. — В тридцатых числах».

«Марусь, тебе семнадцать или тридцать?» — написала Таня. Если бы я была рядом с ней, я бы показала ей язык.

«Я приеду в Москву двадцать восьмого», — написала я, сверившись со скринами билетов.

«Аны уже не будет, — написала Таня. — Но я буду в Москве, так что можем встретиться».

«Отлично! — ответила я. — И я тебя еще раз поздравлю с выпуском, обязательно».

Я откинулась на сиденье, осторожно вытянула ноги, которые уже начали затекать. Подошвы моих кроссовок скрылись под сиденьем напротив, справа от черной штанины парня с сумкой. Он поднял лицо на меня, но его

взгляд был пустым и скользил, ни за что не цепляясь. Я все равно села ровнее и скрестила руки на груди.

Москва за окном поезда уже стала сливаться в разноцветное полотно, и глаза мгновенно устали смотреть. Голова все еще болела, но укачивающий ритм поезда действовал на меня успокаивающе. Я включила в телефоне плейлист Мари и закрыла глаза.

Когда поезд въехал на Московский вокзал, я уже не спала и даже успела немного устать, потому что разбудил меня звонок тети.

— Муся, — тетя, как всегда, говорила медленно и будто сонно. — Нигде не задерживайся и езжай в гостиницу, хорошо? Самолет Лисетской приземлится через пару часов, и потом еще такси, но хорошо бы, чтобы к ее приезду ты уже расположилась.

— Я знаю, — сказала я. — Я готовилась.

Книжка Лисетской так и осталась в рюкзаке, но я уже открыла в телефоне ее страницу в википедии и как раз собиралась пролистать ее в такси.

— Пожалуйста, — тетя с трудом оформляла явный приказ в просьбу. — Веди себя прилично.

Я не стала ей говорить, что если я такая неприличная, то она могла бы поехать на встречу сама, а вместо этого улыбнулась и сказала в трубку:

— Хорошо, конечно.

Парень с сиденья напротив поднял на меня взгляд и тоже улыбнулся. Я тут же сделала суровое лицо и отвернулась. Не хватало еще, чтобы он попытался ко мне подкатить.

Вообще мальчики в России это что-то с чем-то. Во-первых, сложно общаться с людьми, на которых так сильно давит общество. И я понимаю, что это неправильно — отказываться от общения с какой-то группой людей только потому, что общество решило выделить их в эту группу. Но ведь многие со временем начинают пользоваться своим положением. Свистят в спину на улице, пытаются прижаться в метро, говорят как с ребенком (смешно, учитывая, что я выше многих из них). Это раздражает. И хотя я понимаю, что они такие же жертвы этой системы, как и я, но личное ментальное здоровье для меня все-таки дороже. Краем глаза я увидела, что парень снова уткнулся в телефон, и расслабилась. Надо было почитать про Лисетскую, с которой мне предстояло провести две ночи в соседних номерах.

В русской википедии статья о Лисетской была довольно короткая, поэтому я перешла на французскую.

С фотографии в начале статьи на меня смотрела красивая темноволосая женщина лет пятидесяти. У нее было практически круглое лицо и большие глаза, которые чуть щурились, как будто она забыла надеть очки. Я пролистала вниз до биографии и сразу же заметила несколько знакомых имен. Лисетская родилась в 1940 году в Сливене, в Болгарии, но в конце пятидесятых переехала в Париж и общалась там с разными легендарными личностями. Про Барта, Соллерса и Риффатера я что-то слышала, а вот с Симоной де Бовуар, с которой Лисетская дружила и работала над одной из своих первых книг, я была знакома хорошо. Год назад, когда Женя Мыльникова только собиралась открыть в

Питере фем-кафе, я проголосовала за название «Симона» в Жениной группе в вк. Не знаю почему, но кафе в итоге назвали «ИКС», в честь писательницы Ив Косовски Седжвик, несмотря на результаты голосования, в котором де Бовуар одержала уверенную победу.

Я вспомнила, что собиралась посмотреть расстояние от отеля до кафе, и закрыла википедию. Тетя пыталась мне объяснить значимость Лисетской, но я понимала, что ей просто почему-то нужно услужить этой неизвестной француженке, и не особенно ей заинтересовалась. Поездка в Питер по тетиной просьбе позволила мне убедить маму, что я могу потом самостоятельно съездить в Хельсинки к Мари, а ради этого я была готова встретиться с кем угодно.

«Я в Питере», — написала я Мари. За окном поезда замер вокзал, и я сразу потянула из-под сиденья чемодан — хотелось поскорее оказаться на улице. Там я должна была поехать в гостиницу, встретить Лисетскую, передать ей книги, поводить ее немного по городу, а потом, через два дня, сесть на другой поезд и, наконец, оказаться в Хельсинки, где меня ждала Мари. Я протолкнулась мимо парня с сумкой и поспешила к выходу из вагона.

2

Гостиница, а на самом деле Отель с очень большой буквы «О», встретила меня широкой лестницей и красным ковром, закрепленным на ней металлическими шарами. На стойке регистрации я обменяла распечатанную тетей бронь на ключи от номеров и направилась к лифтам. Обычно я чувствую себя скорее комфортно в собственном теле, но в этом мраморно-бархатном здании мне было неловко. Одежда, моя одежда, хорошая, даже дорогая по меркам моего класса, вдруг оказалась совершенно неуместной и яркой.

Нам с Лисетской достались настоящие апартаменты: два однокомнатных номера с отдельными туалетами и ванными и смежной дверью. В левой комнате был балкон, и я, поразмыслив, решила, что там лучше поселить Лисетскую, потому что я не знала, нужно ли ей место для курения. Поскольку я бросила курить еще год назад, то могла обойтись и без балкона.

В номере я первым делом подобрала себе новый костюм — для этого пришлось распотрошить чемодан. Я скинула широкую лоскутную кофту, потом, подумав, и розовую футболку, и джинсы. Порылась в той части

чемодана, которую собрала на всякий случай, если вдруг придется идти в театр, например. Я не знала, собирается ли Мари водить меня в театр, но я могла себе представить все что угодно — мы еще ни разу не виделись с ней вживую, и я была уверена, что она постарается придумать для меня невероятные каникулы.

В напольном зеркале отразилась высокая девушка в черных брюках и такой же рубашке — в этой одежде я чувствовала себя лучше и не выглядела слишком аляповато на фоне дубовых панелей и черной мебели.

Следующий час я провела лежа на кровати — голова уже не болела, но я чувствовала себя устало и сонно и валялась на пружинистом матрасе, завернувшись в покрывало, чтобы не пачкать потом простыни. Подбранную одежду я сняла и разложила на столе, чтобы надеть после душа.

Мари прислала мне сообщение поддержки, которое вызвало у меня усмешку.

«Маруся, а ты вообще знаешь, зачем тебя туда послали? У многих звезд есть райдер: водка, вода Десани, три портрета Леннона на стене и голые школьницы в туалете. Ты в лучшем случае на месте Леннона. А на самом деле, я думаю, что эта старая лесбуха любит девочек помоложе. Тебе хочется верить, что она прекрасна, а она, скорее всего, Джаред Лето литературной критики. Как там в номере? Простыни белые? Готовься пачкать».

«Она не звезда, — написала я. — Просто общалась со звездами».

«Ты не права, — Мари звучала очень уверенно для человека, которая, очевидно, только что загуглила Лисетскую. — Лисетская не хуй с горы. Если ты настоящая феминистка, ты ее наверняка читала».

Это задело меня за живое. Мари всегда читала больше, чем я, но я все-таки неплохо разбиралась в фем. дискурсе и могла уверенно сказать, что никакой особенной роли Ева Лисетская в нем не играла, иначе я бы хоть раз видела ее имя в статьях русской фем. сети.

«Что, например, я должна была читать?» — набрала я, переворачиваясь на спину. Матрас приятно прогнулся. В последний раз в таком отеле я жила лет семь назад, когда мы с мамой ездили в Испанию на весенние каникулы.

Вместо аудиосообщения Мари скинула мне ссылку на статью в википедии: «Смерть Эмилии Е. Q.».

Оказалось, что, переехав в Париж в 1957 году, семнадцатилетняя Лисетская познакомилась с французской писательницей Эмилией Е. Q., с которой потом несколько лет сожительствовала. В 1966 году Эмилия, которой только исполнилось тридцать шесть лет, погибла при странных обстоятельствах — отравилась цианистым калием. В отличие от Лисетской, которая, кажется, вошла в историю только как редакторка и авторка статей по лингвистике, Эмилия была известной авторкой — она написала десяток дневников, большая часть которых была издана уже после ее смерти. Это все было, конечно, интересно, но было не очень понятно, как это связано с феминизмом, если не считать того, что Эмилия, как и Лисетская, общалась с ведущими французскими феминистками середины двадцатого века.

«Ну что? — Мари звучала весело. — *Поняла, почему Лисетская приехала в Санкт-Петербург?*»

«Нет», — честно ответила я. В википедии я не заметила каких-то явных указаний на то, что Эмилия или Лисетская были связаны с Питером. Возможно, эти указания были во французской статье, которая наверняка была гораздо обширнее, но читать ее мне было лень.

«*Объяснить?*» — спросила Мари. Я представила себе, как она сидит у себя на кровати и улыбается, радуясь тому, что может в очередной раз удивить меня своими детективными способностями. Меня и вправду всегда поражало ее умение мгновенно выуживать информацию на любую тему из интернета.

«Конечно», — написала я.

«*Смотри. — Мари, видимо, положила телефон на колени, а параллельно что-то смотрела в ноутбуке. — Лисетская „дружила“ с Эмилией Е. Q. Жила с ней. Так-так. И с ними еще жил такой чувак Аркадий Васильев. Он — русский*».

Я открыла википедию и стала снова листать статью про смерть Эмили. Там действительно упоминался какой-то Васильев — я просто его не заметила в первый раз.

«*Он, — продолжала Мари, — из эмигрантской семьи. Жил в Лондоне до 1961, потом переехал в Париж и познакомился там с Эмилией и Лисетской. А в 1991 году переехал в Россию и живет тут до сих пор*».

«Откуда ты все это знаешь?» — написала я. Мари прислала новое сообщение и тут же его удалила. Видимо, мой вопрос ее сбил.

«Я читаю французскую Википедию через гугл транслейт, — объяснила Мари пару секунд спустя. — У Васильева есть своя большая статья, потому что он написал „Лингвистику активизма“. С этим текстом ты знакома??»

Тут мне стало совсем обидно, потому что с «Лингвистикой активизма» я и вправду была знакома. Этот небольшой манифест об активизме и языке часто цитировали в русской фем. сети, когда требовалось объяснить концепт феминитивов каким-нибудь ушлым «интеллектуалам». Целиком я его не читала, но и сама пару раз что-то оттуда цитировала, когда спорила с мамой или тетей.

«Так вот! — я хорошо слышала триумф в голосе Мари. — Васильев преподавал в СПбГУ, потом ушел на пенсию где-то в двухтысячные. А две недели назад он лег в больницу. В Википедии этого, очевидно, нет — просто вбей в гугл „Аркадий Васильев, лингвист“ и сразу увидишь новость какой-то питерской летней школы о том, что один их лектор лег на операцию, и они желают ему удачи и скорейшего выздоровления».

Я не стала ничего гуглить, зная, что Мари все сделает за меня.

«Он, — Мари наверняка опять сейчас улыбалась, — попал в онкологический центр, из чего можно сделать вывод, что у него рак. Васильеву где-то лет восемьдесят пять, вряд ли он долго протянет — значит, Лисетская приехала в Санкт-Петербург, чтобы его навестить».

Мари наверняка была права — видимо, старой критикессе хотелось проведать давнего друга.

«Знаешь, что еще их объединяет?» — спросила Мари. Я послала ей вопросительный знак, и она тут же стала наговаривать новое сообщение.

«Лисетская и Васильев, — Мари говорила тихо. — Оба были в Париже, когда умерла Эмилия Е. Q., и оба навещали ее в день смерти. Их обоих допрашивала полиция, но за недостатком улик обоих отпустили. Ты сейчас встретишься с женщиной, которая, возможно, шестьдесят лет назад отравила свою подругу!»

«Ее же отпустили, — написала я. — Тебе надо осторожнее со всей своей конспирологией».

«Как скажешь. — Я снова чувствовала, что Мари улыбается. — Но ты, уж пожалуйста, осторожней, хорошо?»

«Хорошо), — ответила я. — Сейчас я в душ, а потом пойду встречусь с лесбиянкой-убийцей».

«Мур:З», — ответила Мари текстом.

3

Приняв душ и высушив волосы, я спустилась в вестибюль. Возможно, мне полагалось ожидать Лисетскую на улице, но я не хотела выходить на солнце, которое, несмотря на то что уже должен был наступить вечер, кажется, только начало падение к горизонту. Через стеклянные двери было видно «парадный» подъезд, и я надеялась, что сумею быстро выскочить навстречу, как только авторка выйдет из такси.

Я посмотрела на телефон — с прибытия моего поезда прошло два часа пятьдесят девять минут. Я открыла статью про Васильева во французской википедии и стала читать, изредка поглядывая на двери. Иногда за стеклом останавливались машины, но каждый раз из них выбирались какие-то мужики в костюмах.

Еще вчера мне казалось, что я еду встретиться с какой-то старой тетиной знакомой. Она, переводчица с многолетним стажем, общалась с огромным количеством иностранцев. Но мне приходилось признать, что тетя была права, когда сказала, что Лисетская совершенно уникальная фигура, — она и вправду, видимо, играла большую роль во французской интеллектуаль-

ной элите шестидесятых. Она упоминалась в биографиях почти всех значительных мыслителей той эпохи — я в который раз раздраженно заметила, что даже у истоков феминизма было удивительно много мужчин. Вот Васильев, например, оказался автором и редактором ряда ранних текстов о правах и философии женского социума — я совершенно не могла понять, как это терпели его современницы.

Пролистав Васильева, я перешла на страницу Эмили Е. Q., но французские слова как-то не шли, и вместо того, чтобы читать, я сохранила себе в телефон фотографию молодой Лисетской (Париж, 1959) и фотографию Эмили Е. Q. (Париж, 1965). В папке с сохраними у меня не было фотографий мужчин, и для Васильева я решила не делать исключения. Лицо у него было совершенно обыкновенное — чуть вытянутое, усатое. На более ранних фотографиях усов не было, зато были бакенбарды. Я полистала гугл-картинки туда-сюда и нашла фотографию, на которой Лисетская, Васильев и Эмилия были вместе. Они стояли возле какого-то античного барельефа и улыбались. С ними был еще один человек, прикрывающий лицо панамой. На французском сайте, на котором была выложена фотография, была подпись: «Arkady Vassiliev, Eve Lisetskaïa, Emilia E. Q. et le peintre M.». Художник М. оказался еще одним участником всей этой тусовки, только в отличие от Васильева и Лисетской, которые были еще живы, художник М. умер в середине шестидесятых.

Я уже собиралась отправить тете имейл о том, что Лисетская не приехала, когда к дверям отеля подъеха-

ло такси со знаком аэропорта на крыле. Я поспешила на улицу.

Задняя дверца открылась, и на тротуар опустилась нога в черном чулке и туфле на широком каблуке. Ева Лисетская появилась из машины медленно, расплываясь по воздуху, словно нефтяная лужа. Когда она распрямилась, оказалось, что фотографии, которые я рассматривала, совершенно не отражали ее огромного роста. Даже без каблуков она была бы выше меня на целую голову.

— Марусья? — спросила Лисетская, опустив на меня взгляд. Глаза у нее были карие и очень внимательные.

— З-здравствуйте, — сказала я, быстро подгружая французский. — Добрый день.

Лисетская протянула мне узкую ладонь и сказала:

— Ева.

Было невозможно поверить, что этой женщине больше пятидесяти, а ведь ей было уже почти восемьдесят. Ее пальцы, теплые и сухие, оплели и слегка сжали мою руку. Только тут я заметила, что мы одеты почти одинаково — только вместо рубашки на Лисетской была черная блузка. На ее высокой шее сверкнула серебряная цепочка.

Таксист открыл багажник и помог мне выгрузить на мостовую два небольших чемодана. Чтобы затащить их на тротуар, я повернулась к Лисетской спиной и тут же почувствовала ее пальцы на своем плече.

— Я сама, — сказала Лисетская. — Возьми сумку, пожалуйста.

Она указала на оставшуюся открытой дверцу такси. На сиденье лежала ярко-желтая сумка. Я подхватила длинную лямку и с удивлением обнаружила, что сумка довольно тяжелая. Кажется, в ней было что-то прямоугольное — мне в бок уперлась твердая стенка.

Лисетская подхватила чемоданы, и мы вошли в отель.

— Этаж? — спросила она.

— Четвертый, — сказала я. — Здесь лифт за углом.

В лифте Лисетская спросила:

— У тебя есть телефон?

Я так разнервничалась, что кивнула, прежде чем ответить:

— Да.

Вряд ли со своей высоты она могла увидеть мой кивок.

— Какими приложениями вы пользуетесь в России? — спросила Лисетская и, правильно посчитав мое молчание замешательством, добавила: — Для переписки? WhatsApp, Facebook?

— Telegram, — сказала я. — Но у меня есть и WhatsApp.

Эта женщина очень плохо сочеталась с образом, который возник у меня при чтении википедии, но не из-за ее внешности, а из-за того, что я представляла ее живущей в шестидесятых — WhatsApp никак не мог сосуществовать с парижской богемой, Роланом Бартом и Симоной де Бовуар.

Мы вышли из лифта и остановились возле двери номера с балконом. Лисетская достала из кармана айфон и протянула мне.

— Код один-ноль-три-пять. Можешь установить Telegram, пожалуйста? И приложение с такси, если здесь не работает Uber, — попросила она. Я послушно взяла телефон и сунула его в карман.

Лисетская стояла ко мне вполоборота и чего-то ждала.

— Вы хотите, чтобы я сейчас отдала вам книги? — спросила я.

— Книги? — Лисетская звучала удивленно, но ее лицо осталось неподвижным. Я подумала, что, возможно, она делала пластику лица, и из-за этого ее брови потеряли подвижность. С того момента, как Лисетская вышла из такси, они ни разу не меняли своего положения. Если она правда удивлялась, то я не знала, чему — тетя послала меня в Питер именно для того, чтобы я отдала Лисетской книги, и я была уверена, что Лисетская об этом знает. Иначе зачем бы я ее сейчас встречала?

— Я привезла вам рюкзак книг от Нины Сергеевны, — сказала я.

— А. — Лисетская кивнула. — Спасибо. Давай после ужина. Ты же поужинаешь со мной?

— Хорошо, — сказала я. — Да.

— А где ты живешь? — спросила Лисетская.

Я показала на свою дверь:

— Здесь. Но там внутри есть смежная дверь.

Я очень надеялась, что мне удалось хотя бы примерно передать свою мысль. Вся уверенность в собственном французском совершенно улетучилась.

— Хорошо, — сказала Лисетская. — Я через час постучу.

Она открыла дверь в номер, занесла внутрь чемоданы и вернулась, чтобы забрать у меня сумку.

— У тебя хороший французский, — сказала она, снова входя в номер. Хлопнула дверь, и я еще некоторое время простояла в коридоре, бессмысленно крутя в руках ее телефон.

Очевидно, весь следующий час я провела, читая все, что можно было найти про Лисетскую, Эмилию Е. Q. и Васильева. Лисетская оказалась настолько интересной женщиной, что я готова была продирааться сквозь французскую википедию. Только в самом начале я читала невнимательно, пытаюсь одной рукой скачивать в телефон Лисетской Яндекс.такси и телеграм, а потом, когда приложения заработали, погрузилась в текст уже вовсю.

Оказалось, что я ее недооценила, когда читала википедию в первый раз. Лисетская была не просто критикессой — она была редакторкой всех дневников Эмилии Е. Q., изданных после смерти авторки, а эти дневники, особенно более поздние, имели большую популярность. Я полезла в рюкзак и обнаружила, что книги, которые мне дала тетя, были как раз из этой серии — это были русские переводы дневников Эмилии Е. Q. под редакцией Евы Лисетской.

Я разложила книги на кровати и стала читать википедию дальше. Оказалось, что с этими дневниками связан большой скандал — многие читательницы и критикессы подозревали Лисетскую в том, что она сильно редачила тексты Эмилии. В википедии говорилось, что в первой книге, изданной уже после смерти Эмилии, «Е. Q. Е. L.», гораздо меньше места уделяется описа-

ниям мест (кофеен, площадей, театров) и гораздо чаще упоминаются разнообразные знаменитости, с которыми Эмилия познакомилась в Париже в начале пятидесятых. Почти все имена в книге были зашифрованы, но по отдельным фактам в «S», «G», «B» и других угадывались имена с передовиц прогрессивных газет. Я стала ходить по ссылкам в статье. Рецензенты (все авторы прочитанных мной рецензий были мужчинами) обвиняли Лисетскую в попытках нажиться на слухах о жизнях других людей. Даже в самой википедии было написано, что к «E. Q. E. L.» накрепко прицепилось название «Желтый роман».

В интервью 1971 года Лисетская писала, что Эмилия стала гораздо больше времени проводить в клубах и кафе и вела записи в небольших блокнотах (в отличие от предыдущих книг, которые она писала в тетрадях формата А4). Именно из-за этого пришлось так сильно редактировать тексты. В общем, я страшно запуталась — и вместе со мной запуталась Мари, которой я записывала сообщения о своих изысканиях. Мари гораздо лучше меня владела интернетом, но она не говорила по-французски, поэтому читать рецензии или тем более снимки газетных статей, которые нельзя было перевести гугл транслейтом, ей было трудно.

К тому же не помогало то, что Мари радостно ухватилась за всю эту конспирологию. Когда я сказала, что вообще не понимаю, кто прав, а кто нет и кто написал книги Эмилии, Мари записала мне такое сообщение:

«Мне кажется, автор вообще не важен. То есть текст должен существовать отдельно от его личности. Ну, пусть Лисетская убила Эмилию и

нажилась на ее смерти. Нужно это уважать — я думаю, что даже если у тебя есть архив записей гениального писателя, это не так уж и просто — построить на этом карьере. Вот если бы она пыталась приписать себе тексты Эмилии — тогда я бы относилась к ней хуже. А так, если она делает ее тексты популярными, то не важно, что она при этом меняет. Эмилии уже нет. Когда человек кончает с собой, он расписывается в документах на собственные тело и душу. Отдает их на благотворительность, в лучшем случае».

Я возразила, что если бы я умерла, то хотела бы, чтобы мои мысли передавали потомкам без изменений. Мари долго думала, а потом ответила:

«А почему ты считаешь, что лучше знаешь, что нужно твоим потомкам, чем человек, который доказал, что может продлить твое тело в будущее, разрезав его на семь, восемь, десять кусков? Ты это ты, а твой пиар-менеджер — это твой пиар-менеджер. Ваши мнения не обязательно совпадают. К тому же, ты еще ничего не добилась и пока не планируешь».

Я не стала обижаться на Мари. Про «ничего не добилась» она могла бы не говорить — это не я жила с родителями в двадцать с чем-то лет, — но я знала, что она говорит это не для того, чтобы сделать мне неприятно. Вместо того чтобы обижаться, я открыла какой-то французский сайт с краткими пересказами и стала читать дневники Эмилии.

Эмилия и Ева познакомились в 1957 году. Я нашла одну фотографию того времени — высокая черноволо-

сая чернобровая девушка, почти девочка, обнимала за плечи невысокую, будто бы стесняющуюся женщину. Эта фотография привела меня в онлайн-архив, в котором я наткнулась на десятки других снимков, более поздних — и на всех Эмилия и Ева были изображены вместе. Иногда рядом появлялись какие-то другие люди, а потом на снимках стали постоянно фигурировать двое мужчин — художник М. (хотя комментаторы не были в этом уверены) и Аркадий Васильевич Белов — он же филолог и философ Васильев.

Васильев появился в жизни Евы и Эмилии в 1962 году. Этот двадцатисемилетний сын русских эмигрантов приехал в Париж из Лондона, чтобы встретиться с Хемингуэем. Хемингуэй умер годом раньше, и последние тридцать лет своей жизни пробыл за пределами Франции, поэтому Васильев (в своих дневниках Эмилия называла его Кентавром) мрачно бродил по городу, вглядывался в подворотни и толкался в толпе.

Я полезла искать эту сцену в дневниках. Это оказалось несложно — в дневнике «Е. Q. 1961—1963» в оглавлении была строчка: «Знакомство с Кентавром». Я открыла нужную главу и стала читать вслух, чтобы сразу записывать аудио для Мари:

«Мы вышли из К-. и направились к месту встречи с В. На улицах было пустынно из-за жары, но Овсянка, как всегда, шла по самой кромке тротуара, и тени домов до нас не дотягивались. Я смотрела под ноги, чтобы не упасть на мостовую, и поэтому не сразу заметила, что Овсянка сошла с бордюра и остановилась. Я оказалась далеко впереди нее и,

обернувшись, увидела, что Овсянка внимательно разглядывает мужчину в шляпе, который, покачивая головой, рассматривал табличку на закрытых дверях булочной. Он стоял в тени здания, облокотившись на черный зонтик. Его лица было почти не видно — потерянность читалась во всей его фигуре, в этом зонтике, который никак не сочетался с солнечной погодой, в костюме (слишком теплом) и в музыкальных движениях пальцев его свободной руки. Он будто пытался нащупать невидимое пианино и все время промахивался мимо клавиш.

— Вы что-то ищете? — спросила Овсянка. Она пересекла горизонт света и оказалась в тени. Ее фигура тут же стала двухмерной, будто она зашла в фотографию, на которой был изображен мужчина. Ее черное (летом!) платье слилось с пятнами на стене, и на мгновение мне показалось, что ее голова парит в воздухе возле плеча незнакомца.

Мужчина наконец ее заметил и что-то спросил, но я его не расслышала.

— *Bla Bla Bla*, — ответила ему Овсянка по-английски.

Мужчина ответил:

— *Bla Bla Bla Bla*.

— Где живет Эрнест Хемингуэй? — спросила меня Овсянка. Мужчина казался мне странным, и я все не решалась подойти. Но и не отвечать Овсянке было бы неправильно.

— Монпарнас, — ответила я неуверенно. Когда я только приехала в П-, мне указали все места, где ступал Хемингуэй.

— *Bla Bla Bla.*

— *Bla Bla Bla.*

— *Он хочет навестить Хемингуэя,* — сказала Овсянка.

— *Вряд ли,* — сказала я. — *Хемингуэй умер.*

Овсянка посмотрела на меня как на умышленную. Было очевидно, что желание незнакомца, видимо англичанина, было для нее гораздо важнее смерти великого писателя. В ее глазах читалось отвращение к смерти, и я поняла, что сейчас мы отменим встречу с В. и отправимся на поиски дома, местоположение которого я представляла себе очень смутно.

— *Bla Bla,* — сказал мужчина.

— *Он немного говорит по-французски,* — сказала Овсянка, — *но сейчас не может ничего вспомнить. По-моему, он слишком много времени провел на улице в этом костюме. Нужно отвезти его в отель и засунуть в холодную ванну.*

Я не нашлась, что ей возразить».

Я собиралась еще сказать пару слов от себя и спародировать стиль Эмили, но тут раздался стук в смежную дверь, и я поспешила убрать разбросанные книги в рюкзак.

4

Первым делом Лисетская спросила:

— Ты установила приложения?

— Да, — сказала я, протягивая ей телефон. — Я могу объяснить вам, как ими пользоваться. И я вбила туда свой номер.

— Спасибо, не нужно, — сказала Лисетская, убирая телефон. — Идем.

Мы спустились в вестибюль и вышли на улицу.

— Ты хочешь есть? — спросила Лисетская. Я попыталась по ее лицу угадать правильный ответ, но это было совершенно невозможно. Если бы мы не шли, а стояли на месте, я бы решила, что ее парализовало, настолько у нее было каменное лицо. Если это была пластика, то серьезная — будто ее лицо целиком отлили из резины.

— Понятно, — сказала Лисетская. — Идем. Ты хорошо знаешь город?

Я помотала головой.

— Не страшно. — Она взглянула на часы на правой руке. — Легкий ужин тебя устроит? Я хочу сегодня съездить в больницу, а там ограниченные часы посещения.

— Хорошо, — сказала я. Есть мне совершенно не хотелось, потому что организм, кажется, еще не отошел от поезда. Живот вдруг занял, и я, надеясь, что это не разозлит Лисетскую, достала телефон и открыла Рэдд, чтобы свериться, что мой цикл и вправду сократился — уже второй раз подряд месячные начинались на два-три дня раньше, чем предсказывало приложение.

Лисетская легко коснулась моего плеча, указывая, что мы сворачиваем. Я дернулась, потому что не ожидала прикосновения, и тут впервые лицо критикессы расплылось в улыбке.

— Это кафе тебя устраивает? — спросила она, указывая на ресторанный вывеску на другой стороне улицы. Там было восточным курсивом написано: «Чайхана».

После того как я заказала нам ужин, Лисетская наклонила голову и стала внимательно меня рассматривать. В ресторане было сумрачно, и она выглядела еще моложе — не старше моей тети. Я уже успела сходить в туалет и закинуться двумя таблетками пенталгина и теперь пыталась поудобнее устроиться на удивительно жестких подушках, которыми были устланы скамьи, заменявшие в ресторане стулья.

— Однажды, — начала Лисетская, — когда ты еще не родилась, мы с Роланом и несколькими другими друзьями оказались в очень похожем ресторане в Стамбуле. Там было очень дымно — кальяны, — и Ролан сказал, что восточная обстановка мешает европейцам читать выражения лиц собеседников.

Она больше не улыбалась, и я не могла понять, какой реакции она от меня ожидает. Моего французского

хватало для того, чтобы понимать все слова, которые она произносила, но не для того, чтобы чувствовать какие-то языковые нюансы, которых, в ее речи, кажется, было очень много.

— Я приехала в Санкт-Петербург, — сказала Лисетская, — чтобы повидать старого друга. Много лет назад мы некоторое время жили вместе, а потом нас обоих довольно долго допрашивала полиция, и мы рассорились. У него осталось несколько нужных мне вещей — и я надеюсь, что сейчас он их вернет.

Она замолчала, и я спросила:

— Каких вещей?

— Разных. Но в первую очередь мне нужен последний дневник моей подруги Эмили, — сказала Лисетская. — Ты знаешь про дневники Эмили?

Я кивнула.

— У моего друга хранится ее последний дневник, и я очень надеюсь его получить, потому что... — Она снова замолчала, но в этот раз по движению ее пальцев я поняла, что ничего говорить не нужно. Лисетская как бы рисовала в воздухе перед собой маленький знак бесконечности. Ее взгляд оставался неподвижным. — Потому что там есть одна страница, на которой наверняка написано имя убийцы Эмили. К тому же я занимаюсь изданием этих дневников — это дело всей моей жизни, будет обидно оставить его незаконченным.

Мы помолчали.

— Она была убита, ты это знаешь? — спросила Лисетская.

— Нет, — сказала я. — Я этого не знала.

У меня в голове все никак не соединялись фотографии и текст из википедии и эта женщина — она говорила со мной, рассказывала какую-то безумную историю и, кажется, ожидала, что я тоже в ней как-то поучаствую.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросила я.

— Тебе не интересно? — спросила Лисетская. Она снова улыбнулась, на этот раз подошедшему официанту, который поставил на соседний столик поднос и стал переставлять к нам тарелки с едой.

— Нет, просто... — Я не знала, что ей сказать.

— Скажи что-нибудь о себе, — предложила Лисетская. — Чем ты занимаешься? Что-нибудь пишешь?

Ее лицо не изменилось, и я подумала, что она, наверное, спрашивает об этом всех людей, с которыми общается.

— Я ничего не пишу, — сказала я.

— Совсем? Может, — спросила Лисетская, — блог в Twitter или Facebook?

— Я пишу в инстаграме, — сказала я, — но совсем по чуть-чуть.

— В Instagram пишут тексты? — спросила Лисетская. — Я, к сожалению, не так хорошо владею современными социальными сетями.

— Да, иногда, — ответила я. — Так многие делают. Лисетская достала телефон и спросила:

— Как найти твой блог?

Она положила телефон на стол рядом с тарелкой с супом, и мне было видно его экран. Фоном у Лисетской стояла фотография неизвестного мне готического собора. Длинный палец критикессы махнул по экрану, ткнул в папку в верхнем правом углу. Я увидела иконки инста-

грама, твиттера, линкедин, фейсбука, тиктока и каких-то неизвестных мне приложений. Когда я устанавливала Лисетской телеграм, я удержалась от того, чтобы рыться в ее телефоне, но сейчас сил отвести взгляду меня не было. У нее стояли почти все возможные социальные сети — я не знала точно, но одна из иконок, кажется, была от китайского WeChat, про который я знала только из одного текстового монолога Мари о китайской пропаганде.

Лисетская зашла в инстаграм, двумя пальцами развернула телефон и подтолкнула его ко мне. Только тут я заметила, что она левша — телефон оказался рядом с моей правой ладонью. Я вбила в строчку поиска свой аккаунт, нажала на возникший кружок и осторожно толкнула телефон обратно. Точно так же, двумя пальцами, Лисетская развернула его к себе, потом подобрала и переложила в правую руку, а левой взяла чайник, который только-только поставил на стол официант. Она налила чай мне, изредка поглядывая на наполняющуюся чашку, потом отставила чайник в сторону.

Я никак не решалась приступить к еде и схватилась за горячую чашку как за спасательный круг. Лицо Лисетской оставалось каменным, но глаза быстро перемещались по фотографиям.

— Я плохо читаю по-русски, — сказала она, опуская телефон на стол. — Ты пишешь о феминизме?

— Д-да, — сказала я. Если бы я знала, что Лисетская читает по-русски, я бы не стала показывать ей свой аккаунт.

— Я плохо читаю и почти не говорю, но немного знаю кириллицу, — успокоила меня Лисетская. — Здесь часто встречается слово «феминизм».

Что я могла на это сказать?

— Приятного аппетита, — сказала Лисетская.

— Спасибо, — ответила я.

Я доела раньше Лисетской, потому что в основном просто пила чай, и вышла в туалет. В телефоне меня ждали сообщения от Мари.

«Ну что, как? — Она писала текстом. — Как там педофилка французская? Срусь с мамой».

Отношения с родителями у Мари были сложные. Она говорила, что это связано с ее плохими оценками, но поскольку я подозревала, что Мари меня на пару лет (как минимум) старше, то причины у ссор должны были быть какие-то другие. Тем не менее я всегда поддерживала Мари в такие моменты, потому что ей, вне зависимости от причин, очевидно было очень тяжело.

«Ты держись, пожалуйста. А Лисетская — вполне милая старушка, — написала я. — Выглядит очень молодо. Она собирается расследовать самоубийство Эмили Е. Q.».

Мари прочитала мое сообщение мгновенно и сразу стала печатать ответ.

Туалет в ресторане был, как я люблю — узкий, с плотными стенами и дверью до пола. Я чувствовала, что нахожусь в бордовом гробу — стены вокруг были покрыты выпуклыми восточными узорами, по которым очень хотелось провести рукой. Ужин с Лисетской меня сильно вымотал, и я ждала ответа Мари, чтобы у меня был повод не выходить из туалета. Пока она писала, я поразглядывала себя в зеркало — и осталась довольна.

«Ты сможешь ей с расследованием?» — написала Мари наконец. У нее было необычное свойство — она часто писала сообщения очень долго, а потом присылала одно-два слова.

«Она не предлагала, — ответила я. — Но, конечно. Если она попросит, я обязательно помогу ей в раскрытии очень важного преступления столетней давности».

«Ты моя Нэнси Дрю:З, написала Мари. — Только обо мне не забывай, хорошо?»

Вместо текста я записала ей короткое видео, в котором высывала язык и закатывала глаза. Мари очень часто просила меня не забывать ее, и я уже устала ей объяснять, что о ней я думаю постоянно и забыть совершенно точно не смогу. Я оглядела туалет, вздохнула и вернулась в зал.

Тарелки уже унесли, и Лисетская что-то листала в телефоне.

— Ты сможешь мне вернуть дневник моей подруги? — спросила она, когда я опустилась на скамейку.

— Что, простите? — переспросила я. Лисетская придвинулась ближе и положила левую руку на столешницу.

— Я не уверена, что мой друг согласится отдать мне дневник, — сказала она. — Мне нужно, чтобы кто-то нашел его архив и забрал оттуда книгу.

Я не знала, что ей на это ответить. Обижать или расстраивать старушку не хотелось, но и помочь я ей никак не могла.

— Ты, наверное, думаешь, — сказала Лисетская, — что я немощная старуха, медленно сходящая с ума.

Она постучала пальцем по столешнице.

— Мой друг скоро умрет. Может быть, сегодня или завтра.— Лицо Лисетской оставалось каменным.— И тогда его архив разлетится по разным библиотекам или просто сгниет. Мне нужно забрать у него эту книгу.

— Я не... — начала я, но Лисетская снова постучала пальцем по столу.

— Маруся,— сказала она.— Ты живешь в России, ты ничего не знаешь о людях, о которых я говорю. А ведь весь твой феминизм построен на книгах этих людей. Ты знаешь де Бовуар, но вряд ли ты ее читала. И ты, я уверена, не читала никого из тех, кто ее окружал. Соллерс, Якобсон, Васильев, Фуко — что говорят тебе эти имена? Просто фотографии в википедии и строчки в сносках текстов, которые ты читаешь в интернете. А ведь многие из них — твои соотечественники.

Я не знала, как реагировать на происходящее, поэтому просто молча слушала. Меня удивило, что, чуть повысив голос, Лисетская говорила медленнее. Ее французский я понимала легко.

— Я предлагаю тебе войти в историю,— сказала она.— Или, точнее, к ней прикоснуться. Твое имя окажется на одних полях с именем Симоны де Бовуар.

Сначала я удивилась столько раз упомянутой де Бовуар, а потом заметила, что телефон Лисетской снова лежит на столе и открыт на одном из постов в моей инсте — на тексте, в котором я недоумевала по поводу того, что фем. кафе в Питере решили назвать в честь Ив Косовски Седжвик, а не Симоны. Текст под постом был по-французски — Лисетская нажала на кнопку автоматического перевода.

— Я не понимаю, что я могу сделать, — сказала я.

Лисетская перешла в поиск в инстаграме, вбила несколько букв и открыла аккаунт с парой сотен подписчиков. Я не успела прочитать название, потому что телефон был все еще перевернут ко мне вверх ногами. Лисетская быстро прокрутила ленту вниз, открыла фотографию и развернула телефон ко мне.

На фотографии был изображен немолодой мужчина в костюме. Он стоял у школьной доски вместе с несколькими школьницами и школьниками моего возраста. В мужчине я с удивлением узнала Васильева — тут он был гораздо старше своих парижских фотографий и походил на самого обычного школьного учителя. Подпись под фотографией гласила: «Летняя школа. 15.08.2015. Аркадий Васильевич после лекции „Семиотические знаки в языке“».

Лисетская постучала по экрану ногтем — прямо по лицу одного из школьников, стоящих рядом с Васильевым.

— Я бы хотела, чтобы ты встретила вот с этими ребятами, — сказала она. — Я думаю, что архив хранится у кого-то из них.

Я ничего не спросила, но Лисетская медленно кивнула, будто бы соглашаясь с чем-то:

— Я не уверена, — сказала она. — Но...

Мне было уже очевидно, что ее фраза про то, что она плохо владеет соцсетями, была абсолютным враньем. Лисетская нажала на список лайкнувших фотографию (их было всего человек двадцать), потом на одно из имен в списке. Открылся аккаунт с парой тысяч подписчиц — я сразу почувствовала укол ревности.

Судя по всему, это был аккаунт модной фотографии — на всех фотографиях были изображены разные модели в черной и околочерной одежде. Фонами служили разные довольно странные интерьеры — будто бы кто-то устроил студию в старой советской квартире. Шкафы со стеклянными дверцами, столы с гнутыми ножками, хрустальные люстры.

Лисетская провела пальцем по экрану и нажала на одну из фотографий. Я увидела красивую девушку лет восемнадцати. У нее были длинные светлые волосы и голубые глаза, с которыми приятно сочеталась поясная сумка такого же оттенка. Кроме нее, на девушке была темно-фиолетовая рубашка, рваные джинсы и бордовая жилетка. Набор этот выглядел странно, но еще более странным был фон — огромный двухстворчатый шкаф, заклеенный какими-то бумагами. Поверх бумаг, среди которых были листы рукописного текста и фотографии, тянулись красные и синие нити.

— Это наша фотография, — сказала Лисетская, указывая на один из маленьких квадратиков на дверце шкафа. — И еще вот эта, и вот эта. Они используют их для фотосессий.

— Как вы это обнаружили? — спросила я. Лисетская посмотрела на меня.

— По тегам, — сказала она. — Молодые люди, которые сделали фотографию, знали, что это за бумаги. К тому же сейчас я уже знаю десяток способов привязать их к архиву. Я показала тебе самый простой. И...

Лисетская снова ткнула в экран. В отличие от фотографии из летней школы, на этом снимке была отмечена модель. И локация.

— Вы хотите, чтобы я написала этой девушке? — спросила я.

— Нет, — сказала Лисетская. — Я тебя с ней познакомлю.

Я окончательно перестала что-либо понимать:

— А зачем вам меня с ней знакомить, — спросила я, — если вы и так знаете, кто она? Вы не можете сами спросить ее про архив?

Лисетская выключила экран телефона и выпрямилась. Я даже вздрогнула от того, как высоко над столом оказались ее плечи. Я и не заметила, что все это время она сидела сгорбившись.

— Я изучила инстаграм и этой девочки, — сказала Лисетская. — Почти все свое свободное время она проводит в кафе «ИКС». Это такое фем. пространство здесь, в Санкт-Петербурге.

Я кивнула, хотя хотела помотать головой.

— Васильев — философ феминистской теории, если можно так сказать о мужчине, — продолжила Лисетская. — Очевидно, эти подростки в достаточно хороших отношениях с ним, чтобы бывать у него дома. Ничего удивительного в том, что они ходят в это кафе, нет.

— И вы хотите, чтобы я туда отправилась и поговорила с этой девушкой? — спросила я.

— Да, — сказала Лисетская. — Выяснила, где сейчас находится архив, забрала оттуда одну книгу и отдала ее мне.

Если бы этот разговор происходил по-русски, я бы решила, что разговариваю с сумасшедшей, но французский придавал всему происходящему настолько сказочный привкус, что я слушала Лисетскую очень внима-

тельно. Восточный, может быть грузинский, ресторан, высокая женщина в черном, легко вращающая телефон и бороздящая инстаграм, — я просто не успевала сомневаться в реальности происходящего.

— Я уверена, что ты справишься, — сказала Лисетская. — Вряд ли это очень сложно. Со своей стороны могу обещать тебе упоминание в благодарностях, когда этот дневник будет издан.

Она улыбнулась в третий раз за вечер. Я поняла, что про упоминание она пошутила. Предполагалось, что похищать книгу я буду для нее просто так.

5

В кафе «ИКС» я поехала на такси. Еще пока я ждала машину возле «Чайханы», я записала Мари сообщение про разговор с Лисетской и по дороге слушала ее ответ, а точнее, ответы — Мари записала десяток сообщений.

«Ты пообщалась с ней всего пару часов и уже собираешься совершить преступление,— сказала она.— Еще пара таких разговоров, и ты пойдешь и сама этого Васильева придушишь подушкой».

«У меня приключение», — написала я в ответ. Я и сама до сих пор не до конца понимала, как Лисетской удалось убедить меня попробовать найти архив Васильева. Наверное, если бы она отправила меня не в «ИКС», в который я и так собиралась поехать, а куда-нибудь подальше, я бы отказалась. Или если бы в этой истории не были замешаны красивые девушки с профессиональными фотосетами, я бы отказалась. Или если бы Лисетская не была загадочной критикессой из Франции, я бы отказалась.

Кафе, как и обещало описание в группе в вк, найти было трудно. В конце концов я прошла через темную

подворотню мимо нескольких закрытых дверей и оказалась перед узким проходом, в глубине которого виднелась деревянная створка. К ней был приколот листок принтерной бумаги с большой надписью, сделанной черным маркером: «РА». Я еще в такси проверила, что в кафе сегодня не намечалось никаких мероприятий и работало оно до полуночи, но тем не менее я как-то за-нервничала.

В Москве у меня не было феминистской тусовки, и поэтому я очень уверенно чувствовала себя в плане фем. дискурса, но здесь-то собирались настоящие феминистки. Я осмотрела себя и поправила рубашку.

За дверью с надписью «РА» оказалась обыкновенная лестница жилого дома, на которую выходили двери квартир без номеров. Везде висела строительная пленка и валялись пустые банки из-под краски. Я поднялась на второй этаж, где на лестничной клетке было устроено что-то вроде небольшой гостиной или курилки. В нос сразу ударил сигаретный запах — на лестнице, ведущей выше, сидели две девушки. Одна была повернута ко мне спиной, и мне были видны только ее черные вьющиеся волосы, а вторая, наоборот, смотрела прямо на меня. Видимо, услышала звук открывающейся внизу двери.

— Вы куда? — спросила она. Я вышла на площадку и присмотрелась к ней внимательнее. Она оказалась старше, чем я думала, — скорее женщина, чем девушка.

— Я в кафе, — сказала я, оглядывая курилку. Здесь было две двери — одна скрыта пленкой, а вторая, с кодовым замком, очевидно вела в «ИКС». Стены лестничной клетки были обклеены бумагой, которую покрывали

надписи и рисунки. Надписи, видимо, были сделаны за один раз — авторки использовали один черный маркер и старались копировать один и тот же шрифт. Единственная надпись, которая выделялась на фоне остальных — арабская вязь посередине стены:

الْبِتْرَاءُ

На видном месте, прямо над вязью, висела большая фотография Ив Косовски Седжвик.

Женщина поднялась с лестницы и подошла ко мне.

— Я — Рита, — сказала она. — Вы у нас уже были?

— Нет, — сказала я. — Я в первый раз.

Рита улыбнулась и повернулась к своей подруге, которая все так же сидела на лестнице. В руке у нее светился телефон. Я бросила на нее беглый взгляд и сразу же отвернулась, потому что поняла, что сидящая на лестнице девушка — Женя Мыльниковна, основательница кафе «ИКС».

— Как вас зовут? — спросила Рита, протягивая мне руку.

Я так разнервничалась, что сначала хотела соврать и назвать выдуманное имя, но потом спохватилась, что я еще не на том уровне конспирации, и протянула свою ладонь, — Маруся.

— Если ты у нас в первый раз, — Рита все еще улыбалась, — хочешь, я тебе все покажу?

Я кивнула. Рита подошла к двери с кодовым замком и вбила код: девять-ноль-ноль-ноль. Я пошла за ней, спиной чувствуя присутствие Жени. Мне очень хотелось

подойти к ней и хотя бы получше ее рассмотреть, но я, конечно, не стала бы так делать. Рита открыла дверь и пропустила меня внутрь кафе.

Кафе представляло собой просторное помещение, почти пустое и ярко освещенное. В правой стене было четыре больших окна, под которыми были набросаны разноцветные пуфики, на которых сидели какие-то девушки. Они тихо переговаривались и даже не оглянулись на нас.

Стены здесь были одноцветные, светло-бежевые, совсем без рисунков или плакатов. В дальнем углу стояло что-то наподобие барной стойки, над которой висело короткое меню. Рядом со стойкой была дверь, за которой, кажется, находился еще один зал. От входной двери я разглядела только повернутый боком стул.

— Правила знаешь? — спросила Рита. — Можешь сделать взнос или что-нибудь купить.

Мы подошли к барной стойке.

— Можно кофе? — спросила я.

— Какое молоко? — спросила Рита, скрываясь за стойкой. Вскоре от пола раздалось жужжание кофе-машины.

— Миндальное? — сказала я и струсил, добавила: — Или можно обычное.

— Есть миндальное, — сказала Рита. Она наконец выбралась из-под стойки и поставила передо мной белую кружку с кофе.

— Бери, — сказала она. — И пойдем. Деньги можешь положить на стойку.

Кафе состояло из трех комнат и кухни-кладовой. Кроме большого зала, был еще зал поменьше, в котором на стене висел экран для проектора. В этот же зал выходили двери туалета и кладовки. Рита показывала мне все — мы даже несколько секунд постояли в кладовке, разглядывая свернутые плакаты и упаковки чайных пакетиков.

За средним залом располагалась совсем уже небольшая выставочная комната. Посередине заклеенного газетами пола стояли несколько мольбертов, а стены покрывали рисунки. От дверей лучше всего было видно один огромный портрет — с листа на меня смотрел какой-то лысый мужчина, которого было трудно узнать из-за того, что его лицо было разделено на четверти, и правая половина его подбородка была помещена на место левой стороны лба.

— Это Мишель Фуко, Аля нарисовала. Она очень талантливая, — сказала Рита, заметив, что я разглядываю портрет. — У нас был вечер, посвященный образам мужчин в культуре. Я нарисовала Родю Раскольникова.

Вряд ли Рита могла быть моложе тридцати. Она не особенно стремилась обсудить со мной феминизм или права женщин. Вместо этого она рассказывала про тех, кто ходит в кафе, и я никак не могла понять, кем является сама Рита — хозяйкой, организаторкой, баристкой или просто случайной гостьей кафе «ИКС». В конце концов стало понятно, что больше всего ей хочется поговорить о себе.

— Вот мой портрет, — сказала Рита, указывая на большой лист бумаги, который почти целиком был закрашен красной краской. Только в левом верхнем углу

виднелось что-то похожее на гнилой банан, перетянутый шпагатом.

— Топор, — догадалась я, вспомнив про то, что Рита рисовала Раскольникову.

— Именно. — Рита качнула плечами. — Я сначала попробовала нарисовать Сою, но получилось как-то вульгарно. Мне ее образ всегда казался слишком недосягаемым. У Достоевского все женщины такие, потому что ему самому очень не везло в любви. Я когда читала роман, очень переживала за Родю, ведь очевидно, что они с Соней никогда не смогут быть по-настоящему вместе. Вот у тебя есть такая большая любовь?

— Нет, — сказала я.

С каждой секундой мне становилось все неудобнее обращаться к ней на «ты». С Лисетской я почему-то совершенно не ощущала такой разницы в возрасте, при том, что критикесса была старше меня лет на шестьдесят.

— Мой муж часто говорит о том, как он в меня влюбился, когда мы только познакомились, — сказала Рита. — Ты можешь сегодня с ним познакомиться. У нас после семи можно приходиться всем.

Я постаралась скрыть свою реакцию на слово «муж» и повернулась к другой стене, на которой висели какие-то совсем дурные акварели. Мне показалось, что это какая-то совершенная дикость для фем. кафе. Рита посмотрелась на свой портрет топора, и я достала телефон, чтобы быстро набрать сообщение Мари: «Пришла в „ИКС“, фем-кафе в Питере. Тут у них проходят вечера, посвященные образам мужчин в культуре». Мари прочитала сразу и тут же стала наговаривать мне ответ.